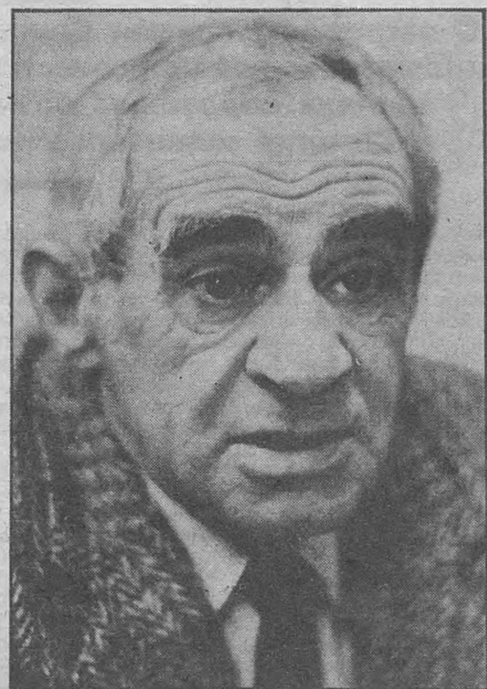
Зиновий ГЕРДТ:

«НАМ ПОВЕЗЛО: МЫ ЖИЛИ В ЗАПОВЕДНИКЕ»

Недавние события разделили жизнь страны и жизнь каждого из нас на два этапа. Отдав швартовы под аккомпанемент героической симфонии, разыгранной на площади Свободной России, корабль коммунизма, ощетинившийся орудийными стволами, с развевающимися на ветру красными флагами и победными лозунгами, марширующими по палубам пионерами, неизменным Ильичем вместо русалки на носу, похоже, отчаливает от наших берегов. Часть истории страны, кусок жизни каждого из нас... Если помните, основоположник заметил: с прошлым надо прощаться, смеясь. Попробуем? С этой идеей я и пришел к Зиновию Ефимовичу Гердту. Один совет: перед чтением интервью зажмурьте на секунду глаза, вспомните лицо Гердта, неповторимый вкрадчивый голос... Все, можно открывать.



— Приметы уходящего времени... Их очень много. Ведь то, в чем мы жили, явление, по-своему, замечательное, уникальное в истории человечества. Богатые западные бездельники платят огромные деньги, чтобы туристами побывать где-нибудь в джунглях или на островах с уникальной, нигде больше не встречающейся природой. А нам повезло: мы с рождения, бесплатно оказались в таком заповеднике — заповеднике абсурда, где все поставлено с ног на голову. Правда, жизнь в нем требует определенных навыков. Вот я, например, в самые тягостные брежневские годы исхитрился и жил вполне хорошо. В 1977 году я пошел в «Союзпечать» на Никольской выписать журнал «Америка», но вместо него («Америки» на всех не хватило) выписал журнал «Корея». Это потрясающее издание, потрясающее! Скажем, фотография в полстраницы: «Жители Пхеньяна с воодушевлением читают статью великого вождя корейского народа Ким Ир Сена». Длинная широкая улица, люди стоят в разных позах с газетой, читают. Человек двадцать. Счастливые, с печатью глубокого удовлетворения на лице. Еще фото: великий вождь Ким Ир Сен и великий руководитель Ким Чен Ир принимают делегацию коммунистов Дании. И никаких больше фамилий: раз ёсть первые две — больше фамилий быть не должно, ни-ни. А на последней странице — черно-белые фотографии об ужасающей участи южнокорейских братьев... Я читал этот журнал от корки до корки, все статьи, выходные издательские данные, все! И меня на месяц хватало. Я выходил на улицу любимой Москвы с гордо поднятой головой, как гражданин свободного демократического общества. Это была потрясающая уловка, помогавшая жить в заповеднике. И когда надо было идти к кому-то на день рождения, я брал в подарок один из номеров моего любимого журнала...

Вы знаете, я ни в одной из этих партий не состоял, однако соприкасался, конечно, не без того. Однажды мы с моим другом гитаристом нашего оркестра Мартыном Кирилловичем Хазизовым были на Старой площади — перед очередной поездкой за рубеж с нами хотел побеседовать некий ответственный товарищ... Нет, вначале я вам расскажу про Мартына. Это был замечательный человек, который прекрасно знал лабушский язык. Знаете, у музыкантов, лабухов, есть свой жаргон. Именно от Мартына я узнал, например, о смерти Сталина. У Мартына был приемник, который брал «Голос Америки». Мы ехали на спектакль, встретились на остановке троллейбуса, и Мартын тихо мне говорит: «Минай залабал в сундук». Минаем лабухи звали Сталина, такая у него была кличка — Минай. А политбюро, цэка — минайчата и минайчатник. Так и говорили: «В минайчатник идем». Это сейчас кажется смешным, а тогда произносилось с уважением, без всякой иронии... Так вот мы с Мартыном в ожидании приема прогуливаемся по длинному пустынному коридору ЦК, и гитарист этак слегка приобнял меня. Вдруг из какой-то двери выходит человек с папкой и, поравнявшись с нами, восклицает: «Товарищи, как вы ходите! Вы понимаете, ГДЕ вы находитесь?! Здесь не парк культуры!» В общем, влетаем мы с Мартыном к своему ответственному товарищу (его фамилия, кажется, была Щербаков), и он спрашивает: «Что с вами, чем вы так взволнованы?» Я: «Да вот... сделал грубое замечание...» Щербаков: «Вы что, думаете, здесь дураков нет? Здесь очень много дураков!..»

А вот еще, тоже, мне кажется, о партии, хоть и не очень смешно. У нас в доме много лет назад жила нянька, пятнадцатилетняя девочка Рая. Из-под Тулы. И Райка часто рассказывала, как они жили после войны. Изба с земляным полом, мать доярка, с утра до ночи на ферме. Отца на войне убили. Голодали, ели одни драники картофельные, жаренные на свечном сале. И вот однажды маму неожиданно вызывают в Тулу. И весь день ее нет, появляется ночью, что-то держит в кулаке. Молчит, девочки на нее смотрят. И вдруг мать шваркнула оземь орден Ленина и сказала: «Сволочи, лучше бы кило муки дали!» И Райка с тех пор стала антикоммунисткой. Когда моя Катя плохо ела, она говорила: «Не будешь есть кашу, буду воспитывать в коммунистическом духе, узнаешь тогда!..»

...Гнусные годы — 1951-й или 1952-й, погоня за космополитами, расшифровки псевдонимов, убийство Михоэлса. Жуть, в общем. И в это время мы оказались в одном ленинградском гостиничном номере — приехавшие из Москвы Утесов, Саша Галич и я, живший в Питере целый год. Галич и Утесов прямо с поезда пришли ко мне завтракать. Мы обнялись и сразу друг другу показываем: только тихо. К губам прижимается палец, губы безмолвно шевелятся... Через три минуты мы про все, естественно, забыли. И пошли самые жуткие антисоветские анекдоты. Хохочем, валяемся по диванам... И вдруг звонит телефон. Резкий такой звонок. Боже, пропали... Саша взял трубку, и я слышу — отбой, пи-пи... Галич между тем делает вид, что внимательно слушает, вставляет: «Хорошо... хорошо». Потом кладет трубку и произносит: «Просили подождать. Меняют бобину».

А вообще к КГБ у меня очень теплое отношение. У меня был знакомый малый... в общем, из тех, которые всегда ездили с нашим театром за границу, их представляли так: «Это сотрудник Министерства культуры». А мы их между собой — не знаю, почему — называли «сорок первыми». И с одним таким малым по имени Игорь у меня сложились очень теплые отношения. Как-то в Испании я жутко напился в каком-то обществе дружбы. Утром в номер приходит Игорь, приносит пирожок, бутылку простокваши, алкозельцер и говорит: «Госбезопасность о тебе заботится! Это я тебя вчера привел, раздел и спать уложил»... В те же дни мы гуляли с ним по площади Торос в Мадриде, присели на скамейку. Игорь задумчиво говорит: «Зиновий Ефимович, я недавно взял твое досье... Ну знаешь, это том Маркса, это «Капитал»! Но не бойся. Я был у генерала, поручился за тебя, и он разрешил всю эту макулатуру сжечь. Сейчас в твоей папке одни анкетные данные». Я легкомысленно так отвечаю: спасибо, конечно, но мне, мол, все равно, что мне сделают, ну за границу не пустят, так я поездил достаточно, посадить не посадят, времена не те... Игорь выслушал мою болтовню и медленно, четко произносит: «Времена ТЕ, Зиновий, времена всегда ТЕ...» Я и сейчас думаю: а действительно ли кончились ТЕ времена?

...Я с 1945-го по 1982 год служил у Образцова. Детский театр, никакой политики, праздник каждый вечер. Но и там, вы знаете, случались какие-то мелкие и возможные только в нашей стране накладки. Скажем, был у нас старинный автор, замечательный человек Георгий Георгиевич Ландау. И как-то он написал по заказу кукольную пьесу «Кот и заяц». Они антиподы: заяц ведет себя разумно, добропорядочно, а кот такой оторва, все время попадает в неприятные истории. Написав пьесу, Ландау понес ее визировать в репертком, получить разрешение на постановку. Молодой цензор внимательно прочитал пьесу и говорит: «Что ж, неплохо, но вот один эпизод... У вас тут заяц говорит: «Кот, я дам тебе хороший совет». А кот отвечает: «Не нужны мне твои советы»... Ландау: «Ну да, он отвергает...» — «Да вы вслушайтесь: «Не нужны мне твои СОВЕТЫ». Тут до Ландау дошло: «А, вы имеете в виду советы габочих (он грассировал), кгестьянских и солдатских депутатов?! Молодой человек, я бы в жизни не догадался, ну как же ловко у вас мозги устгоены! Спасибо большое, я обязательно пегеделаю это место!..» Уже выходит, но у дверей останавливается. «Да, вы знаете, я сейчас ехал в метго, и там туча антисоветских лозунгов!» — «Как, в метро? Какие?!» — «Нет выхода. Нет выхода. Выхода нет...»

Вообще с приемкой спектаклей нередко случались забавные и... унизительные, да, унизительные вещи. В брежневские времена мы выпускали «Божественную комедию». На генеральную репетицию приходят три чиновника, кажется, из министерства, один совсем молоденький, лет двадцати восьми. Спектакль молча посмотрели, посовещались, потом один из них подходит к артистам, Образцову, показывает на Создателя (кукла такая, если помните): «Надо постричь». Он имел в виду брови. Широкие брови куклы кого-то напомнили высокой комиссии. Естественно, мы отклеили поролон, подрезали...

То обстоятельство, что я долгие годы служил у Образцова, являлось для меня лично своего рода охранной грамотой, что ли. В театре было все — интриги, несправедливости, любимчики. Все как везде. Но что особенно отличало Образцова — аллергия на любые проявления национализма. Сколько прекрасных поступков совершил этот человек в те жуткие годы... Как-то (в период борьбы с космополитами) в театр пришел приказ из министерства — сократить четырех человек в оркестре. Образцов собрал худсовет, обрисовал ситуацию и говорит: предлагаю сократить Иванова, Петрова, Сидорова и Новикова (фамилии я точно не помню). А это лучшие музыканты! Я вскричал: «Сергей Владимирович, в своем ли вы уме?! Давайте сократим Гомберга, Файнберга, Цыперовича... Это слабые музыканты, оркестр с их уходом ничего не потеряет!..» Образцов побелел и сухо произносит: «Товарищи, совсем забыл, мне надо срочно переговорить наедине с Зиновием Ефимовичем». А затем набросился на меня, как барс: «Вы что, идиот? Вы не понимаете, что творится в стране?! Где Гомберг, Файнберг найдут работу, их семьи умрут с голода! А Иванова, Петрова с радостью возьмут в любой оркестр...» Вот так поступил истинный русский интеллигент...

Очень советское понятие — блат. Достать по блату, по знакомству, с «черного» хода. Иностранец никогда не поймет, что это такое. А мне в этом смысле повезло — мелькаю на экране, на радио выступаю. В общем, узнают, делают какие-то поблажки, и я этим пользуюсь, потому что иначе жить нельзя. Вот только сахар по талонам выкупить не могу... В связи с «узнаванием» была такая смешная история. Обедаю я как-то дома, телефонный звонок: «Алло, Зиновий Ефимович? Вас из пятидесятого беспокоят». Думаю: какого пятидесятого? Отделение милиции у нас другое, почта 311-я. Голос: «Из пятидесятого «Мясо», на улице Кирова. Вы были вчера в магазине «Инструменты»? — «Да, сверла покупал». — «А к нам не зашли. Обижаете! Вам что, телятина не нужна? Вырезка?» — «Нет-нет, говорю, даже очень». — «Так заходите, о чем речь. И не думайте, что нам что-то от вас нужно. Хотите я вам билеты в ваш театр достану? Четыре штуки?..» Мы с женой очень смеялись потом. Я лично два билета в свой театр еще мог бы устроить. Но четыре... вряд ли. Неловко просить.

Почему мы так жили и живем? Ничем не хуже других, ничуть не глупее, а живем так, что стыдно перед всем миром. Я когда думаю об этом, вспоминаю одну историю. Во время войны я как-то лежал в госпитале. И ко мне в палату комсостава из солдатской повадился ходить парень лет двадцати. У него была фамилия Бляхин, я хорошо запомнил. Он писал стихи и носил мне на рецензирование. Эпигонские, под Есенина, про какие-то кабаки, в которых Бляхин никогда не был, да еще написаны эти стихи были на обрывках газет, обоях. Бумаги-то не было. Я говорил: Бляхин, почему ты пишешь о кабаках, ведь ты воевал, пиши о том, что видел, знаешь... Как-то Бляхин приходит: ну, старший лейтенант, оставляю вас на неделю, мне рулон обоев принесли, так что сажусь за поэму. И действительно, дней через десять Бляхин появляется с рулоном. Читаю: красным карандашом идет название — «Обелиск». И начинается как-то так, допустим: «Деревья листьями оделись... та-та-та... обелиск». Читаю дальше и глазам своим не верю: в каждой строфе обелиск, и ударен не по тому месту. Спрашиваю: Бляхин, как называется поэма? Он: «Обе́лиск». С ударением на «е». Понимаешь, говорю, Бляхин, мне очень жаль, но ужасная ошибочка вышла. Он не обе́лиск. Он обелиск. Бляхин просто задохнулся: «Да вы что, у меня там двести куплетов, и в каждом обе́лиск!!» Ничего, говорю, нельзя сделать, он никогда не будет обе́лиском... В общем, расстроенный Бляхин ушел из моей палаты и очень долго, к моей радости, не появлялся... Понимаете, мне кажется, что мы когда-то очень давно тоже сделали одну, но роковую ошибку. Не по тому месту ударили. Нам показалось скучным жить как все люди. И мы решили срочно, в кратчайшие сроки соорудить рай на земле. И соорудили ад. И сейчас нет, я убежден, другого выхода, кроме как терпеливо исправлять все двести куплетов. Работать по тем законам, по которым живет весь мир. Я очень боюсь, что новая власть, которую я очень (это честно) уважаю, может податься соблазну сделать все побыстрее, в обгон, и опять ударит не по тому месту. А этого делать нельзя. Народ не выдержит, он на грани...

Чего бы я пожелал себе, всем нам, прожившим жизнь в заповеднике и начинающим ее в... даже не знаю, как сейчас назвать нашу страну? Посмотрим. Так вот я бы хотел пожелать... Знаете, у меня есть друг, потрясающий грузинский драматург Резо Габриадзе. Прекрасные миниатюры с дорожными рабочими — помните? — это все по его сценариям. Он такой же талантливый, как Норштейн. Резо в дни путча был в Москве и потом сказал такую фразу: «Я не узнал москвичей. Они все походили на иностранцев...» Горько, наверное, когда тебя, желая похвалить, сравнивают с иностранцем. Но Резо можно понять: он увидел в лицах людей зарождающееся чувство собственного достоинства. То, чего все мы — и рабочие, и знаменитые артисты, и... все! — были лишены долгие годы. И если мы сохраним это чувство, то не позволим больше никому загнать себя в заповедник...

Записал
Владимир КОНСТАНТИНОВ.

Эксклюзивные представители по сбору рекламы для русского издания «МН» на территории Южной Кореи
International Media Services Co.
тел.: (02) 718 9554/5
факс: (02) 718 9553
телекс: 25027 IMSCO K

СССР, 103829, ГСП, Москва, ул. Тверская, 16/2
Телефоны: 229-81-86 (справочный), 209-17-49 (отдел писем), 209-05-60 (сектор рекламы).

Общий тираж газеты 1 741 386
Подписано в печать 1 октября 1991 года.
Заказ № 3614.

ИНДЕКС 50080
отпечатано в типографии издательства «Московская правда»
1 2 3 4 5 6 7 8 9 10

©«Московские новости»
Перепечатка допускается по соглашению с редакцией, ссылка на «МН» обязательна.

По вопросам подписки и розничного распространения на территории США и Канады обращаться по адресу:
MN Subscription Department
P. O. Box 429
Vineland, N. J.,
08360 USA
тел: + 1 (800) 4861223